

Дорогие авторы и читатели!

Этим выпуском нашего журнала мы открываем новую рубрику «Имя в истории». Чем вызвано это решение? Мировую историю творят миллиарды, историю страны — миллионы, историю края, региона — тысячи людей. Все они наделены разумом и чувствами. Они исполняют различные роли на различных этапах жизни, решают как собственные, так и проблемы сообществ, в которые оказываются включенными по своей и не только по своей воле. История — это судьбы отдельных людей, их отношения друг с другом, положение в семье, участие или неучастие в делах по месту проживания, членства в общественном или политическом объединении. Человек с рождения оказывается в перекрестии взаимодействий различных сторон жизни общества (культуры, экономики, политики, права, морали, религии и др.). И в каждой из этих областей он может осознанно или неосознанно оставить более или менее заметный след, став частью истории: мировой, отечественной, наконец, истории родного края. Таким образом, историю нашей страны — и как части мировой истории, и в пределах её отдельных регионов — творили самые различные люди.

Открывая данную рубрику, редакция журнала дает возможность исследователям воссоздать значимые имена в истории.

УДК 929 (Краснощёк А. М.)+929 (Краснощёк Е. М.)
DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-1-31-37

А. Б. ГУЛАРЯН

Орловский государственный
аграрный университет,
г. Орел

БРАТЬЯ КРАСНОЩЁКИ: ОПЫТ ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья построена на приемах историко-биографического метода (просопографии) и посвящена анализу жизни и деятельности двух представителей одной семьи — братьев А. М. и Е. М. Краснощёков. Приводятся данные по биографии третьего члена семьи — их сестры С. М. Краснощёк. Юность этих людей пришлась на предреволюционную эпоху и была связана с революционной деятельностью. На собранном фактическом материале автор попытался показать изменения в процессе развития и особенности проявления личности у людей, принадлежавших к одной семье, но к разным когортам рождения: один из братьев стал социал-демократом, второй — анархистом. Показано, что расхождения в жизненных судьбах братьев предопределили изменения исторической обстановки в стране, но при этом в их действиях и поступках проявлялись черты сходства характеров.

Ключевые слова: историко-биографический метод, коллективная биография, социал-демократия, анархизм, эмиграция, общественная деятельность, подпольная работа, террористический акт.

Историко-биографический метод, или метод жизнеописаний, известен со времен становления истории как науки. Долгое время исторический процесс рассматривался как результат деяний великих людей — политиков, полководцев, мыслителей. Здесь уместно вспомнить такие образцы античной исторической литературы, как «Сравнительные жизнеописания» Плутарха и «Жизнь двенадцати Цезарей» Гая Светония Транквилла. Приоритет биографическому методу в гуманитарном знании отдавали такие мыслители, как В. Дильтей и М. Хайдеггер.

В XX веке жизнеописательный метод утвердился в качестве одного из основных в социологии и социальной психологии. Благодаря этому, наряду с традиционной индивидуальной биографией появились так называемые «коллективные биографии» (просопография, которая изучает не конкретного человека, а группу с определенными демографическими, социальными и культурными характеристиками) [1, с. 151–152].

Особый интерес, с точки зрения современной исторической науки, вызывает такое направление

пропосографии, как исследование социальной обусловленности жизненных путей. В центре внимания этого направления — социальные механизмы регулирования жизненных траекторий, увязывающие возрастную дифференциацию, социально-классовое расслоение, конъюнктурные циклы и кризисы с историческими событиями [2, с. 6].

Предлагаемая статья посвящена рассмотрению «коллективной биографии» двух братьев и сестры: Александра (Абрама), Евгения (Фроима) и Софьи (Сони) Краснощёков — уроженцев местечка Чернобыль Родомышльского уезда Киевской губернии. Их отец, Моисей Краснощёк, приказчик в одном из местных магазинов, хотел дать своим детям высшее образование. Ведь только высшее образование позволяло в то время еврею забыть о «черте оседлости» и стать полноправным подданным Российской империи. Его дети, однако, один за другим покинули родительский дом, стали революционерами, создав своеобразную семейную династию. Двое из них так и не получили высшего образования, третий учился уже в зрелом возрасте за границей. Судьбы этих трех незаурядных людей под влиянием входящих исторических обстоятельств сложились по-разному. На переломе своих эпох история словно ставила эксперимент на человеческих судьбах, распределяя их на «экспериментальные» и «контрольные» группы. Только какие из них стали действительно экспериментальными, а какие — контрольными, трудно решить даже сейчас.

Биография Александра Михайловича (Абрама Мойшевича) Краснощёкова (1880—1937), русского социал-демократа, видного деятеля американского рабочего движения, а в последствии советского государственного и партийного работника, участника гражданской войны на Дальнем Востоке хорошо изучена историками. Его брат, Евгений Михайлович (Фроим-Иуда Мойшевич) Краснощёк (1889—1908), не успел стать известной личностью в силу своей короткой судьбы, и интересует только брянских и орловских краеведов. Софья Михайловна (Соня Мойшевна) Краснощёк только недавно оказалась в сфере внимания автора статьи¹.

В жизни Александра Краснощёка явно выделяется четыре разных по своему характеру периода. Первый период начался, когда Александр в пятнадцатилетнем возрасте уехал из родительского дома в Киев готовиться к поступлению в университет. Волей судьбы репетитором юноши стал студент юридического факультета Киевского университета, видный революционер (впоследствии — большевик) М. С. Урицкий, и, в принципе, этим всё сказано. Через год его «репетиторства» Александр Краснощёк стал членом подпольного социал-демократического кружка, а затем — профессиональным революционером, «искровцем» [3]. Он работал в созданной одной из первых Южной (Полтавской) группе содействия «Искре». Во главе группы стояли Ю. О. Мартов (Цедербаум), а после его отъезда Л. Н. Радченко. Полтавская группа содействия «Искре» организовывала доставку ленинской газеты из-за границы, собирала для неё деньги среди сочувствующих рабочих, вела переписку с редакцией, давала адреса для явок агентов «Искры» и для переписки газет.

Александр Краснощёк зарекомендовал себя как деятельный и бесстрашный революционер: пережил два ареста, заключение в одиночку, но не бросил подпольную работу, а перешёл на нелегальное положение. То, что он оставался на свободе после двух

арестов и тюрьмы, не должно удивлять читателей: жандармы хорошо знали своё дело, но собранные ими на революционеров материалы не доводились до суда (поскольку исчерпывающих доказательств собрать не удавалось), а рассматривались губернаторами в административном порядке. В результате революционер приговаривался не к заключению в тюрьму, а к административной высылке за пределы губернии или к надзору полиции по месту жительства, после чего спокойно переходил на нелегальное положение и получал новые документы с помощью товарищей по партии.

В 1902 году, спасаясь от очередного ареста, Александр выпрыгнул со второго этажа в окно проваленной конспиративной квартиры, сумел убежать от преследовавших его жандармских унтер-офицеров, и по решению своей группы уехал в эмиграцию в Берлин. Для истинного «искровца» дальнейший маршрут передвижения по Европе был совершенно очевиден: в Женеву, поближе к Владимиру Ленину. Но Александр в марте 1903 года выбрал иной маршрут — за океан, в Америку. Биографы объясняют его выбор проблемами со здоровьем (во время прыжка из окна он серьезно повредил ногу) [3].

Так начался второй этап в бурной жизни Александра Краснощёка. В Америке он стал Краснощёковым, переделав фамилию на русский лад. Он вел себя как идеальный иммигрант: брался за любую работу, был портным, оклейщиком обоев, маляром; быстро выучил английский язык, занимался самообразованием; женился на польской иммигрантке Гертруде и скоро стал счастливым отцом двух детей.

Параллельно Александр Краснощёк делал успешную профсоюзную карьеру: вступил в Американскую социалистическую рабочую партию, стал членом Американской федерации труда и Федерации индустриальных рабочих мира. Скоро он стал известным журналистом и публицистом. Свои статьи в партийной прессе он подписывал псевдонимами «Тойбисон» (Сын Тойбы) и «Строллер» (Бродяга).

В 1912 г. Александр окончил факультет экономики и права Чикагского университета и занялся адвокатской практикой. Защищая права рабочих и эмигрантов, он стал одним из самых известных адвокатов США. Он выиграл, в частности, нашумевшее «хлебное дело», по которому хлебопеки и кондитеры обвинялись в умышленном отравлении крупных банкиров. В совершенстве изучив финансовое и банковское дело Америки, Краснощёков открыл в Чикаго единственный в своём роде Рабочий университет, где несколько сотен американских рабочих, а также вновь прибывшие иммигранты получали необходимые знания в области экономики, права, профсоюзного движения, искусства, культуры [3].

В марте 1917 г., узнав о революции в России, Александр Краснощёков собрал вокруг себя более ста русских иммигрантов и выехал с ними на родину. Из Ванкувера группа Краснощёкова отправилась сначала в Японию, оттуда — во Владивосток, куда они прибыли в сентябре 1917 года [3]. Так в его жизни начался третий, самый опасный и захватывающий период. Выехав в демократическую Россию Керенского, Краснощёков оказался в республике Советов Ленина. Биографы Краснощёкова пишут, что к 1917 году он почти совершенно охладел к большевизму и его идеям. Кроме того, его бывшие соратники по партии в своё время восприняли отъезд в Америку как измену революционному делу. Тем не менее происходит странное: ещё вчера ни-

кому здесь не известный «американец» избирается членом Владивостокского Совета и председателем Никольско-Уссурийского комитета РКП (б). В 1918 году он уже председатель Дальневосточного Совнаркома и руководитель штаба Дальневосточного большевистского подполья. После высадки японских войск бежит в тайгу, организует партизанское движение, за его голову японцы назначают крупное вознаграждение золотом.

Несколько раз Краснощёков чудом избегает расстрела. Он попадает в знаменитый «поезд смерти», так красочно описанный в романе писателя С. Т. Алексева «Крамора» [4], но и там избежал гибели. И вполне возможно, что в основу описанного С. Т. Алексеевым образа комиссара Шиловского, сумевшего выжить в тифозном вагоне, положены черты самого Александра Краснощёкова. В дальнейшем Краснощёков попадает в Иркутскую тюрьму и в очередной раз он приговорен к расстрелу, но в декабре 1919 года его освобождают восставшие иркутские рабочие [3].

В 1920–1921 годах Александр Краснощёков — член Дальневосточного бюро ЦК РКП (б), председатель правительства Дальневосточной республики, а затем министр иностранных дел ДВР. Он чрезвычайно популярен на Дальнем Востоке. Деньги с его собственноручной подписью, называемые в народе «краснощёковками», благодаря золотому обеспечению — самая твёрдая и надёжная валюта за Уралом.

Однако именно в это время у Краснощёкова начинаются трения с другими представителями местного руководства, в том числе и со своим непосредственным начальником, председателем правительства ДВР Петром Никифоровым. Дело в том, что не участвовавший в дрязгах большевиков и меньшевиков Александр Краснощёков привлек представителей этих партий в правительство ДВР, создав таким образом многопартийную коалицию. Старые большевики мирились с этим, пока во Владивостоке стояли части японских и американских интервентов. Когда же над Владивостоком взвилось красное знамя, на Краснощёкова посыпались обвинения в сепаратизме и финансовых махинациях.

Кроме того, Александр Краснощёков сумел нажить себе серьезного врага в лице нового секретаря ЦК ВКП (б) Емельяна Ярославского (Миней Израилевича Губельмана), чей родной брат Моисей Израилевич Губельман был членом Дальневосточного бюро ЦК ВКП (б). Некоторое время Краснощёков удерживался на своем посту благодаря поддержке Л. Д. Троцкого и В. И. Ленина. С Львом Троцким Краснощёков сотрудничал в 1916 г. в Америке (не исключено, что именно поддержка Троцкого позволила ему сделать такую быструю карьеру после возвращения), с Владимиром Лениным он совместно разработал проект Дальневосточной республики, который сам и осуществил. Но постепенно позиции оппонентов Краснощёкова усиливались, и ему пришлось уйти.

В Москве начинается четвертый, последний этап в жизни Александра Краснощёкова. Его административные и предпринимательские таланты оказались востребованными в условиях НЭПа. Краснощёкова пригласили работать в Высший совет народного хозяйства (ВСНХ), назначили членом коллегии Наркомата финансов, а вскоре сделали заместителем Наркомфина [5, с. 829]. Но и в Москве трения с «твёрдыми» большевиками продолжались: слишком по-разному видели выпускник Чикагского

университета и «красные директора» функции рыночной экономики при НЭПе.

Этот конфликт кажется странным, поскольку Александр Краснощёков пользовался полной поддержкой В. И. Ленина, который встречался с вновь назначенным хозяйственным руководителем и высказывался о нем комплиментарно [6, с. 219]. Стоит предположить, что Ленина заинтересовали американские связи Краснощёкова, который скоро после этого разговора был назначен директором частногосударственного акционерного Российского торгово-промышленного банка (Промбанк) [7]. Через это финансовое учреждение осуществлялось финансирование промышленных предприятий. Рядом с этим учреждением Краснощёков, воспользовавшись своими связями в Американской федерации труда, создает Русско-американскую индустриальную корпорацию, которая осуществляла перевод денежных средств из-за границы в Советскую Россию. Платежи корпорация проводила через Промбанк [7].

Это прибавило Краснощёкову недругов, поскольку была нарушена монополия Госбанка на переводы из-за границы. Во время майского кризиса 1923 г., когда на бирже началась паника и вкладчики забирали свои вклады, Госбанк проигнорировал все просьбы Промбанка о помощи, и Промбанк остался без копейки. Но Александру Краснощёкову удалось и в этой ситуации «выкрутиться» и устоять. Однако очень скоро, 19 сентября 1923 г., Александр Краснощёков был арестован. Ему предъявили обвинения в хищениях и разгульном образе жизни.

В Промбанке провели совместную проверку ЦКК и РКИ. Нарком РКИ В. В. Куйбышев заявил, что в ходе проверки были установлены «беспорные факты присвоения Краснощёковым государственных средств, устройства на эти средства безобразных кутежей, использования хозяйственных сумм банка в целях обогащения своих родственников и т.д.» [3]. В частности: «Родной брат А. Краснощёкова Яков явился одним из первых клиентов банка. Операции его сводились к систематическому использованию при помощи брата-директора банковского кредита в разных формах и под разными наименованиями, притом на условиях, наиболее для него благоприятных по сравнению с прочими частными клиентами банка. В то время как с частных клиентов банка за пользование срочными ссудами взималось 4–5 проц., Яков Краснощёков платил всего лишь 1,5–2 процента... Задолженность его банку превышает обеспечение более чем в 80 раз, а банк этим не смущается... Получаемые таким путём из банка деньги Краснощёков пускает в оборот на чёрной бирже и спекулирует всюю, извлекая огромную выгоду. В момент самого острого денежного кризиса — в мае 1923 г. — Я. Краснощёков умудряется получить из банка 35 119 руб.» [7]. Самому Александру Краснощёкову ставились в вину привычка к роскошной жизни и огромные траты.

Главной причиной неприятностей Александра Краснощёкова стала болезнь Ленина. В 1923 году глава советского правительства полностью отошел от дел, и его слова о том, что Краснощёкова нужно использовать во благо нового строя, тут же оказались забыты. А вот старые обиды все помнили хорошо. Емельян Ярославский в 1923 году вошёл в состав президиума высшего контрольного органа партии — Центральной контрольной комиссии (ЦКК) и высшего партийного суда — Партколлегии. И, как утверждали современники, именно по его инициативе в Промбанк пришла проверка из ЦКК.

По предъявленному обвинению Александр Михайлович Краснощёков был приговорен к шести годам одиночного заключения. Он содержался в Лефортовской тюрьме, в ноябре 1924 года был переведён в тюремную больницу, по окончании лечения освобожден по амнистии.

С 1926 г. Краснощёков занимал второстепенный пост начальника управления новых лубяных культур Наркомзема СССР. Позже он возглавил Новлутрест, где были выведены высокоурожайные «южные» сорта волокнистых культур. 16 июля 1937 г. его арестовали, а 25 ноября Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к расстрелу. Так окончилась жизнь, включавшая в себя более полувека борьбы, авантюрных приключений, резких поворотов судьбы и поиска своего предназначения. Реабилитирован Александр Михайлович Краснощёков был только в 1956 г.

Судьба Евгения Михайловича Краснощёка оказалась намного короче, чем у его брата. И менее яркой. Мы не знаем, в каком возрасте Евгений покинул родительский дом, но 30 ноября 1906 г. он был арестован в Киеве во время обыска, проведенного по требованию Минского губернского жандармского управления [8, л. 39 об.]. Были получены сведения, что он является членом местной организации анархистов-коммунистов (группа «Бунтарь») и деятельно участвует в экспроприациях. В это время ему было семнадцать лет. То есть свою революционную карьеру он, как и старший брат, начал с шестнадцатилетнего возраста.

Однако за прошедшие десять лет политическая конъюнктура изменилась: новое молодое поколение увлекается не К. Марксом, а сочинениями М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина. Вполне возможно, что на Евгения оказала влияние его старшая сестра Соня Краснощёк, также вступившая в «бунтари» и занявшая там заметное положение. Забегая вперед, следует сказать, что сестра сыграла неоднозначную роль в судьбе младшего брата.

После этого ареста Евгений Краснощёк переходит на нелегальное положение и переезжает в Москву, где становится деятельным участником местной группы анархистов-коммунистов «Бунтарь». Эту группу организовал еще в 1904 г. известный анархист А. Г. Таратута (1879–1937). Группа московских «бунтарей» поддерживала связи с аналогичными группами в Киеве, Брянске, Смоленске, Петербурге, Екатеринославе, Одессе. Письма, изъятые брянскими жандармами у Евгения Краснощёка уже после ареста, свидетельствуют, что он был лично знаком и с А. Г. Таратутой, и с О. И. Таратутой (Рувимской) (1876–1938) [8, л. 39 об.].

Его сестра, Софья Краснощёк, проживала в это время в поселке Бежица под Брянском по паспорту Б. Ф. Домысевич и вместе со своим сожителем, Иваном Фоминым, руководила местной группой «бунтарей» [8, л. 39 об.; 9, л. 138]. Поэтому, когда брянские анархисты обратились к московской группе за поддержкой в подготовке крупного ограбления (экспроприации) в Брянском уезде, выбор московских «бунтарей» естественным образом остановился на двух кандидатурах: Сергея Климова, уроженца города Брянска и Евгения Краснощёка, самого близкого руководителя брянской группы человека.

Но по приезде двух «москвичей» положение дел в брянской анархистской группе резко изменилось: 4 марта 1907 г. Софья Краснощёк вынуждена была бежать из Брянска, скрываясь от слежки; 24 марта полиция провела обыск на явочной квартире анар-

хистов на станции Болва, и хозяин квартиры, Иван Араков, был арестован [8, л. 39 об.]. В этих условиях ни о какой организации крупного ограбления (экспроприации) уже не могло быть речи. Однако руководитель брянских анархистов Иван Фомин попросил у Евгения Краснощёка и Сергея Климова содействия в ликвидации безработного Афанасия Папенкова, подозревавшегося анархистами в доносе на Аракова, а также жандармского ротмистра П. В. Аргамакова, которого революционеры винили во всех своих бедах. Молодые люди выразили свое согласие.

Как показывают материалы последующего следствия, молодые анархисты ни в чем не соблюдали элементарных правил конспирации. Они продолжали жить на предоставленной им конспиративной квартире в Льговской слободе Брянска, с неё ушли на террористический акт и в неё же вернулись. При себе они держали письма, как свои собственные, так и переданные им для третьих лиц соратниками по партии. Несмотря на столь вопиющий непрофессионализм и безалаберность, им удалось осуществить оба убийства.

25 марта Климов и Краснощёк убивают босяка Афанасия Папенкова, 26 марта на Черном мосту через реку Десну тремя пулями смертельно ранят ротмистра Аргамакова, который возвращался в Брянск из Льговской слободы, где проводил учения с унтер-офицерским составом [8, л. 14, 29]. Однако это резонансное для Брянска убийство было раскрыто, как говорится, «по горячим следам». Оказывается, за Краснощёком и Климовым следили от самой Москвы агенты наружного наблюдения Московской сыскной полиции. Они приняли Краснощёка за известного анархиста «Леонида»². Но ошибка в объекте не помешала филерам выследить Евгения Краснощёка на Орловском вокзале Брянска и указать на него жандармскому унтер-офицеру Романовичу, который, после короткого сопротивления, арестовал революционера. Браунинг, патроны и письма, изъятые при обыске, полностью изобличили самого Краснощёка и стоили свободы несклонным его товарищам [8, л. 14 об., 29 об.].

30 марта 1907 г. состоялся самый настоящий штурм конспиративной квартиры анархистов в Льговской слободе. Хозяин дома Иван Лобачев и его квартирант Сергей Климов вступили в перестрелку с помощником исправника и полицейскими. Климов был смертельно ранен, а Иван Лобачев с семьей сдался полиции. Однако участие в перестрелке и самодельная бомба, взорвавшаяся в подполе его дома, полностью изобличили его в глазах полиции как пособника террористов. Во время обыска в доме Лобачева были найдены: программа анархо-синдикализма, ещё одна бомба, которую не сумели уничтожить, толовая шашка, корзина с патронами, стреляные гильзы, два железных прута и деревянная палка с чугунным навершием [8, л. 14–15, 28]. То есть это были не просто разрозненные улики, а набор для большой экспроприации.

Одновременно с этими событиями в Брянске в Москве были арестованы А. Г. Таратута (проживавший по паспорту С. И. Ледницкого) и Софья Краснощёк (Б. Ф. Домысевич). Иван Фомин сумел скрыться из Брянска в неизвестном направлении [8, л. 39–39 об.; 9, л. 138].

Поэтому по обвинению в убийстве ротмистра Аргамакова перед военно-полевым судом предстал один Евгений Михайлович Краснощёк. По совокуп-

ности улик и показаний он был признан виновным, 17 ноября 1907 года председатель военного суда, генерал-майор Фишер приговорил его к смертной казни [8, л. 57]. Сокамерник Краснощёка В. И. Блуду в своем письме некоей «Наташе» (по-видимому, девушке приговоренной), посвященном Евгению, в комплиментарных выражениях описывал его поведение на суде и после суда. Перед переводом в одиночку Евгений Краснощёк написал письмо Виктору Чернову — как явствует из контекста — ответ на письмо самого лидера эсеров, и передал его В. И. Блуду для отправки адресату [9, л. 547]. 5 января 1908 года приговор был приведен в исполнение [8, л. 64].

Евгений Краснощёк, в той мере, в какой он известен нам по архивным документам, целиком и полностью подходит под описание социально-психологического типа русского анархиста начала XX в. Ведущий специалист по истории анархистского движения в России В. В. Кривенький рисует собирательный образ анархиста следующим образом: «Если попытаться составить обобщенный портрет анархиста периода революции 1905–1907 гг., то он выглядел бы так: молодой человек (или девушка) 18–24 лет (что во многом объясняет безрассудность и авантюризм в действиях) с начальным образованием (или без него), как правило, из демократических слоев общества; в движении преобладали евреи (по отдельным выборкам их численность достигала 50 %), русские (до 41 %), украинцы» [10, с. 213].

Историк Н. Д. Ерофеев, анализируя социально-психологические типы русских революционеров, делает следующее наблюдение: «Эсеры отличались от других течений не только мировоззрением, но и в какой-то мере даже склад ума, психология. Марксизм, как правило, привлекал натуры рассудочные, уравновешенные, не склонные к бурным проявлениям чувств; а неонародничество (особенно его экстремистское крыло) объединяло людей более эмоциональных, постоянно испытывавших духовную и нравственную неудовлетворенность» [10, с. 150]. Это наблюдение вполне можно применить и к анархистам, тем более что и эсеры, и анархисты исповедовали террористическую тактику.

Наконец, специалист по истории террора О. В. Будницкий отмечает в своей книге: «Многие анархисты отличались особым складом характера, реактивными реакциями на те или иные обстоятельства, едва ли не врожденным бунтовским духом». И, в этой же книге, на два абзаца выше: «Ими руководило как революционное нетерпение, так и соборный неуемный темперамент, нежелание умереть в своей постели» [11, с. 257–258].

Все вышеперечисленное мы можем найти в Евгении Краснощёке. Так же как и в его старшем брате, Александре Краснощёкове. Неуемный темперамент и импульсивность были, по-видимому, их семейной чертой, они оба были пассионариями. Это объясняет метания Александра Краснощёкова по свету и неожиданные зигзаги его биографии. Впрочем, о горячем темпераменте этого человека говорит одна подробность биографии, которая больше всего привлекает внимание досужих журналистов. Летом 1922 г. у Александра Краснощёкова начался роман с Лилей Брик, продолжавшийся до самого его ареста [12]. То есть этот человек смог увлечь молодую женщину и даже временно оттеснить от неё поэта В. В. Маяковского, тоже очень сильного пассионария.

В связи с вышесказанным разрыв Александра Краснощёкова с социал-демократией после отъез-

да за границу уже не кажется случайным. В «искровской» организации он был боевиком, выполнял опасные задания. Но вряд ли он чувствовал себя комфортно среди «уравновешенных» социал-демократов. О. В. Будницкий утверждает, что «...революционный темперамент определял приход немалого числа революционеров, поначалу примыкавших к социал-демократам или эсерам к анархизму» [11, с. 256]. Александр же Краснощёк предпочел в этом случае отъезд в С-АСШ, чтобы «с нуля» начать строить новую жизнь. Чтобы потом моментально бросить все начатое в Америке и вернуться в Россию. Этим же объясняются и его трения на всех уровнях советского руководства — в нем интуитивно чувствовали чужака.

Представляется, что здесь мы имеем дело со своеобразным когортным эффектом, как называют это явление в социологии. То есть с изменениями в процессе развития и особенностями поведения личности, связанными с принадлежностью к той или иной когорте рождения. Это тем более ценно, что наблюдается на примере одной семьи. Старший брат вышел из своей когорты, сломал траекторию жизни, поскольку предложенная когортная унификация его не устроила. Младший принял внутрикогортную унификацию и без остатка растворился в эпохе Первой русской революции.

Примечания

¹ Архивный документ, прямо отождествляющий Софью Краснощёк с Б. Ф. Домысевич, только недавно оказался в руках автора статьи. До этого она воспринималась как один из адресатов писем Евгения Краснощёка. Соответственно, разработка этой исторической фигуры только начинается.

² «Леонид», он же М. П. Чернавский, он же А. Д. Киселев, арестованный в октябре 1907 г. в Брянске по обвинению в подготовке к ограблению лесопилки, к рассматриваемым событиям никакого отношения не имеет.

Библиографический список

1. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 580 с. ISBN 978-5-906578-03-7.
2. Биографический метод в социологии: история, методология, практика / Под ред. Е. Ю. Мещеркиной, В. В. Семенов. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1994. 147 с.
3. Рапорт А. Г. Трагедия Александра Краснощёкова // Новая Сибирь. 1997. № 1 (232). URL: http://www.pseudology.org/Rapport/Krasnoschekov_AM.htm (дата обращения: 14.11.2018).
4. Алексеев С. Т. Крамола: в 2 кн. Кн. 1. Столпотворение. М.: Олма-Пресс, Ковчег, 1996. 416 с. ISBN 5-87639-043-7.
5. Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь «Гранат». Репринтное издание. М.: Советская энциклопедия, 1989. 832 с.
6. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. В 54 т. Т. 54. Письма ноябрь–март 1923. 5-е изд. М.: Политическая литература, 1975. 863 с.
7. Жирков Е. Дело о злоупотреблении доверием партии // Коммерсантъ. Деньги. 2012. № 7 (864). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1876635> (дата обращения: 14.11.2018).
8. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 580. Ст. 1. Д. 4837.
9. ГАОО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 396.
10. Политические партии России: история и современность / Под ред. А. И. Зевелева, Ю. П. Свириденко, В. В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 2000. 631 с. ISBN 5-8243-0068-2.
11. Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика и психология (вторая

половина XIX — начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2000. 399 с. ISBN 5-8243-0118-2.

12. Егорова О. Ведьмин круг // Спецназ России. 2011. № 8 (179). URL: <http://www.specnaz.ru/article/?1948> (дата обращения: 14.11.2018).

ГУЛАРЯН Артем Борисович, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры «Естественнонаучные и гуманитарные дисциплины». SPIN-код: 9984-1744

AuthorID (РИНЦ): 531307

Адрес для переписки: agularyan@yandex.ru

Для цитирования

Гуларян А. Б. Братья Краснощёки: опыт историко-биографического исследования // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 1. С. 31–37. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-1-31-37.

Статья поступила в редакцию 13.12.2018 г.

© А. Б. Гуларян

KRASNOSHCHYOKS' BROTHERS: EXPERIENCE OF HISTORICAL AND BIOGRAPHIC RESEARCH

The article is constructed on the receptions of a historical and biographic method (protography) and devoted to the analysis of life and activity of two representatives of one family — brothers A. M. and E. M. Krasnoshchok. Data on the biography of the third family member — their sister S. M. Krasnoshchok is provided too. Youth of these people fell on a prerevolutionary era and was connected with revolutionary activity. The collected actual material allowed the author to show changes in the development and feature of personal manifestations at the people belonging to one family, but to different cohorts of the birth: one of brothers became social democrat, the second — the anarchist. It is shown that the different vital fates of brothers predetermined changes of a historical situation to the country, but at the same time in their actions and acts lines of similarity of characters are shown.

Keywords: historical and biographic method, collective biography, social democracy, anarchism, emigration, public work, underground work, act of terrorism.

References

1. Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskii slovar' [Theory and methodology of historical science. Terminology Dictionary] / Resp. Ed. A. O. Chubar'yan. Moscow: Akvilon Publ., 2014. 580 p. ISBN 978-5-906578-03-7. (In Russ.).
2. Biograficheskii metod v sotsiologii: istoriya, metodologiya, praktika [Biographical method in sociology: history, methodology, practice] / Eds. E. Yu. Meshcherkina, V. V. Semenova. Moscow: IS RAS Publ., 1994. 147 p. (In Russ.).
3. Rapoport A. G. Tragediya Aleksandra Krasnoshchekova [Tragedy of Alexander Krasnoshchekov] // *Novaya Sibir'*. *Novaya Sibir'*. 1997. No. 1 (232). URL: http://www.pseudology.org/Rapport/Krasnoshchekov_AM.htm (accessed: 14.11.2018). (In Russ.).
4. Alekseyev S. T. Kramola: v 2 kn. Kn. 1. Stolpotvoreniye [Kramola: in 2 bks. Bk. 1. Pandemonium]. Moscow: Olma-Press Publ., Kovcheg Publ. 1996. 416 p. ISBN 5-87639-043-7. (In Russ.).
5. Deyateli SSSR i revolyutsionnogo dvizheniya Rossii. Entsiklopedicheskii slovar' «Granat» [Figures of the USSR and the revolutionary movement of Russia. Encyclopedic dictionary «Granat»]. Reprint Ed. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1989. 832 p. (In Russ.).
6. Lenin V. I. Polnoye sobraniye sochineniy. V 54 t. T. 54. Pis'ma noyabr' – mart 1923 [Complete Works. In 54 vols. Vol. 54. Letters November – March 1923]. 5th ed. Moscow: Politicheskaya literatura Publ., 1975. 863 p. (In Russ.).
7. Zhirkov E. Delo o zloupotreblenii doveryem partii [The Case of Abuse of Party Trust] // *Kommersant*". *Den'gi. Kommersant*". *Den'gi*. 2012. No. 7 (864). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1876635> (accessed: 14.11.2018). (In Russ.).
8. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti (GAOO) [State Archive of the Oryol region (SAOR)]. File: 580/1/4837. (In Russ.).
9. (GAOO) [(SAOR)]. File: 883/1/396. (In Russ.).
10. Politicheskiye partii Rossii: istoriya i sovremennost' [Political parties of Russia: history and modernity] / Ed. A. I. Zevelev, Yu. P. Sviridenko, V. V. Shelokhaev. Moscow: ROSSPEN Publ., 2000. 631 p. ISBN 5-8243-0068-2. (In Russ.).
11. Budnitskiy O. V. Terrorizm v rossiyskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologiya, etika i psikhologiya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Terrorism in the Russian Liberation Movement: Ideology, Ethics and Psychology (second half of XIX – beginning of XX c.)]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2000. 399 p. ISBN 5-8243-0118-2. (In Russ.).
12. Egorova O. Ved'min krug [Circle of witches] // *Spetsnaz Rossii. Spetsnaz Rossii*. 2011. No. 8 (179). URL: <http://www.sпецназ.ru/article/?1948> (accessed: 14.11.2018). (In Russ.).

GULARYAN Artem Borisovich, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of Natural Science and Humanities Disciplines Department.
SPIN-code: 9984-1744
AuthorID (RSCI): 531307
Address for correspondence: agularyan@yandex.ru

For citation

Gularyan A. B. Krasnoshcheks' brothers: experience of the historical and biographic research // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2019. Vol. 4, no. 1. P. 31–37. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-1-31-37.

Received 13 December 2018.

© A. B. Gularyan